

ГОСТЬ 3-й ПОЛОСЫ

Внешне он почти совсем не изменился. Хотя после выхода на экраны телесериала с сыгранным им бесстрашным и умным капитаном Клоссом прошло уже более 20-ти лет. Трудно поверить, что этому человеку уже 60. Что позади тридцать пять лет актерской жизни, сыграно сто ролей в театре и восемьдесят — в кино. Год назад актер сменил свое амплуа и место жительства. Его утвердили директором Польского центра информации и культуры в СССР. Поэтому на мой шуточный вопрос «Как капитан Клосс чувствует себя в Москве?» он серьезно ответил: «Не Клосс, а Станислав Миккульский».

Далее он продолжал:

— В Москве чувствую себя хорошо. Столько раз бывал, столько знакомых, друзей! Многие, наверно, обижаются: приехал и забыл, не навещает. Но, если кто из них прочтет это интервью, пусть знает: я обязательно всех навещу. А пока что — дела закрутили. Ведь начинал я с нуля. Центры нашей культуры существовали в разных странах. А здесь, в СССР, нет. Впрочем, до перестройки подобных учреждений не имела здесь ни одна другая страна. Творить новое — всегда интересно. И когда мне предложили поехать в Москву, я с удовольствием согласился. Хотя и были опасения. Все-таки не профессиональный администратор. А как приехал — увлекся, с головой ушел в работу. Не чувствую себя чужим. Люди меня узнают. На улицах, в магазинах. И, конечно же, приходя к нам в центр.

— Значит, чтобы руководить учреждением культуры, в том числе и за границей, вовсе не надо быть администратором от культуры...

— Вот именно. Каковы наши цели? Продвигать, распространять, пропагандировать польскую культуру в вашей стране. Как лучше это сделать? Естественно, через тех, кто, если можно так выразиться, потребляет ее, будет способствовать дальнейшему распространению. То есть через творческие круги, которые мне очень хорошо знакомы. Через законодателей общественного мнения в этой области. Это не значит, что к нам не приходят простые люди с улицы. Скорее наоборот. Появился немалый круг людей, посещающих регулярно наши мероприятия, а когда кино «крутим», зал практически всегда наполнен до отказа.

— ...Хотя, как я знаю, есть у вас и трудности.

— Главная — в отсутствии постоянного помещения, которое, к сожалению, появится еще не скоро. Основные мероприятия проводим два раза в неделю в Доме культуры им. Серафимовича. Помогают нам также дома творческих союзов. Расширяем географию своей деятельности. Имеем хорошие контакты в Ленинграде, Киеве, Минске, Львове, Саратове, Новосибирске.

— Ваш центр, можно сказать, рожден перестройкой. Она, как известно, активно касается и вопросов взаимоотношений между народами социалистических стран, дружба между которыми всегда считалась аксиомой...

— На самом же деле эта дружба зачастую носила формальный, плакатный характер. Не раз встречался я у вас с таким мнением: «Вы, поляки, делаете огромный вред нам, советским людям. Ведь вы приказываете своим людям любить нас». Что было, то было. Что ни реч, что ни заявление — всюду фраза «Во главе с Советским Союзом». Но разве можно дружбу навязывать? Вот условия создать нужно. И они есть. Сегодня у наших народов исторический шанс. Процессы, которые происходят в СССР и ПНР, позволяют людям обеих стран завязать поистине сердечные, братские контакты.

Что важно — сегодня никто никого не учит жить. Каждая социалистическая страна выбирает своей суверенный, независимый путь развития. Это хорошо видно и на примере Польши. Люди это прекрасно чувствуют. Они не настолько наивны, как кажется. Думаете, они не понимали раньше, что многие решения, прежде

чем быть принятыми в Варшаве, должны найти одобрение в Москве? Хотя вслух об этом не говорилось.

— Да, насильно мил не будешь. За четыре с лишним года работы в Польше мне всякое приходилось видеть. Помню, проходили Дни советского кино. В варшавском кинотеатре «Москва» демонстрировался очень посредственный наш кинофильм. Однако в зале было многолюдно. Когда пригляделся — большинство зрителей, кроме, пожалуй, представителей советской колонии, были в форме. Пожарных, внутренних войск... После таких просмотров нередко и очень хорошие советские кинофильмы проходили в полупустых залах...

— Примеров я привел бы множество. Так рождались стереотипы. С детских лет нам твердили одно и то же: Советский Союз — самое хорошее, самое великое, самое са-

де Скерневице я встречался в библиотеке с активистами Общества польско-советской дружбы. Был очень откровенный разговор. Особенно запомнились мне слова одного пожилого человека, коммуниста. Он говорил о своей любви к нашей стране, о том, как ему трудно. Трудно от того, что узнал в последние годы. «Как было бы хорошо, если бы всего этого не было!..»

— Конечно, трудно. Трудно узнавать о печальных страницах не только советского, но и польского сталинизма. Да и в других социалистических странах, подозреваю, познакомились со сталинизмом. Сегодняшнее узнавание правды — это как предостережение: не будет гласности и демократии, история может повториться. Уверен: никто не захотел бы вернуться в мрачное прошлое. К старому возврата нет. Вы посмотрите, как изменились люди. Сегодня обо

ДРУЖИТЬ НЕ ПО УКАЗУ

мое государство. Это в школах. А в семьях — другое. Ведь наши люди немало ездили по свету. Видели иные страны, могли сравнивать.

— И возникал обратный эффект. Когда в одной из школ города Бяла-Подляска я спросил ребят, что они знают о Советском Союзе, ответ привел меня в замешательство: «Очень много плохого!».

— Чего ж тут удивляться? Железобетонная пропаганда сделала свое дело. В Польше находились прилежные ученики советских сталинистов: Берут, Берман, Минц. В сталинизме — истоки исторических манипуляций. Любые конфликты, шероховатости в прежних польско-советских отношениях попросту умалчивались, вычеркивались из учебников. Но люди-то о них знали. Возьмем польско-советскую войну 20-го года. Была же она, куда от нее денешься. Или возьмем фигуру Юзефа Пилсудского. Официальная пропаганда настойчиво пыталась о нем умолчать. Но ведь Пилсудский каким был, таким был. Но — был. И, кстати, немало сделал для Польши.

— Хотя для нашей страны был заклятым врагом. В то же время полководец Суворов, наш национальный герой, вызывает у поляков неприятные ассоциации в связи с подавлением восставшей Варшавы.

— Да, история взаимоотношений наших стран сложная. Но разве вы можете ответить за деяния Суворова? Или я — за тех из польских королей, кто подавлял белорусов или украинцев?

— Однако польская оппозиция, пытаясь повредить нашим отношениям, всегда использовала исторический копей...

— И ей это прекрасно удавалось. Потому что еще немало недосказанного. Потому что существуют пресловутые белые пятна, бередающие души каждых последующих поколений. Слава богу, создана двусторонняя комиссия по их изучению. Народам нужна историческая правда. Какой бы горькой она ни была. Возьмем Катынское дело. Слово «Катынь» знакомо каждому поляку. Оно — как злобеший символ. Моя знакомая рассказывала: «Пришел однажды сын с улицы и возмутился, почему я ничего не рассказываю ему о расстреле польских офицеров в лесах под Смоленском». Сейчас лучший момент поставить в этой истории точки над i. Не опоздать бы. Абсолютное большинство поляков уверено, что Катынь — дело рук НКВД. Нужно как можно быстрее выяснить правду.

— Согласен с вами. Только правда исцелит наши души. Правды говорится сегодня очень много. Порой она просто обжигает своим беспощадным огнем. Однажды в горо-

всем можно открыто говорить. И у нас, и у вас. Правда, у вас изменение менталитета в сторону раскрепощения происходит медленнее. Вам значительно дольше приказывалось слушаться.

— Но я слышал и такое мнение, причем и от польских друзей: не слишком ли быстро мы пытаемся все изменить?

— Не слишком. Надо, чтобы соответствующие решения опережали жизнь. А не наоборот.

— Что больше всего поразило вас за год жизни в Москве? И с положительной, и с отрицательной стороны.

— С положительной — последовательность политики Михаила Горбачева. Он твердо и неуклонно следует заранее избранной концепции.

С отрицательной — пустота прилавков, очереди.

— Не повторяем ли мы печальный опыт Польши начала 80-х годов?

— К сожалению, в трудностях мы также похожи. На поворотных этапах истории они неизбежны. Но — опасны. Как говорится в польской пословице, когда человек голоден, он зол. Однако по натуре я оптимист и верю в успех перестройки.

— Что вы больше всего цените и чего не любите в людях?

— Начну со второго. Не люблю людей фальшивых, которые говорят одно, а думают другое, которые не останавливаются ни перед чем ради карьеры. Надо всегда быть последовательным, смело преодолевать преграды. Если сказал «А», не бойся произнести «Б». И в трудное время надо держаться собственных принципов и убеждений. У нас ведь как было? В начале 80-х годов, когда ситуация в стране обострилась, находились те, кто, занимая даже очень высокое положение в партии, drogнули, побросали партбилеты.

Что касается моих симпатий, люблю людей добрых, открытых.

Беседу вел
М. БОТЯН.

Комс. правда - 1989 - 28 мая